

Автор: Эдуард Олевинский

## Дом хрустальный

Я редко вижу сны. Когда я уверенно могу сказать, что мне снился сон, его содержание мне недоступно — оно выветривается из головы по мере пробуждения. Такое впечатление, что мои воспоминания о снах боятся зубной щетки.

Помню, несколько раз во сне мне приходили потрясающие идеи. И каждый раз я хотел их записать, но они представлялись настолько ясными, что я не верил в то, что смогу их забыть. Поэтому я со спокойным сердцем откладывал это дело на утро и вновь погружался в сон, предвкушая их воплощение.

К сожалению, наутро я не мог вспомнить ничего, кроме очевидного — идеи были восхитительны.

Лишь однажды я смог вспомнить одну из них...

.....

«Где мы? Сколько времени?», — подумал я, спросонья вглядываясь в мелькающий пейзаж трассы Москва – Тула из окна комфортного для таких поездок минивэна. Выяснилось, что до Тулы ещё часа полтора.

Дрём в дороге — лучшее опровержение линейности пространства и времени. Чуть прикорнул — оказывается, что проспал часы и сотни километров. Или за пятиминутный пар приснится, что побывал в разных концах земного шара.

Но это пока не войдешь в колею. Позднее я буду знать трассу Москва–Тула наизусть, смогу даже замутнённым спросонья взглядом по вешкам этой дороги и по названиям сёл определять расстояние до цели и не просыпаться окончательно, проваливаясь обратно в сон.

Сквозь дремоту проступила мысль «Давай ещё раз: зачем Сергею Васильевичу эта встреча?».

Ни свет ни заря я выехал из своего подмосковного дома в Прокуратуру Тульской области для встречи с Сергеем Васильевичем обсудить ситуацию на Ясногорском машиностроительном заводе. Вчера, после его неожиданного звонка, я как смог сложил своё представление о ситуации на этом заводе. Выглядит вполне типически — не так много споров, обычный для градообразующего предприятия негативный фон в местной прессе. Завод производил горно-спасательное и шахтное оборудование. Видимо, спрос на эту продукцию неуклонно падал — шахты банкротились даже на Кузбассе, не говоря уж о Ростовской области, где запасы угля были на порядок меньше. В расчёте на советскую планово-экономическую кооперацию способ производства на таких заводах — гигантоманский. При существующих возможностях сбыта такой способ гарантировал работу в убыток. Даже после сокращений персонала на нём работало более тысячи работников, так что вместе со своими семьями они все ещё составляли существенную долю восемнадцатитысячного населения Ясногорска. К тому же, как это обычно для градообразующих предприятий, завод снабжал теплом и горячей водой самый крупный район города. Отчасти поэтому завод и стал банкротом, год назад ввели конкурсное производство, а

управляющим завода суд назначил Сергея Балакина, лично мне не знакомого, но являвшегося членом нашего СРО<sup>1</sup>.

Главные кредиторы — налоговая и работники, которым не возместили ущерб здоровью, не выплатили ни выходные пособия, ни долги за отработанное и вынужденный простой. Положение банкрота в целом выглядело обычно для того времени: выведенное имущество работало под управлением «новых» собственников. Кредиторам оставалась старая добрая погоня с уголовными делами или без, и довольствовались они лишь трофеями этой погони. Надо признать, что иногда такие трофеи превышали стоимость выведенного, но случалось это нечасто.

Вот интересно — какой людям смысл ждать пока жизнь войдёт в привычное русло в условиях, когда ясно, что по-прежнему не будет больше никогда?! Доброй половине работников таких заводов прежний собственник по нескольку месяцев задерживал зарплату, затем выгонял в вынужденный простой, и в конце концов увольнял. Лишь единицы искали новое место работы, чаще всего переезжая в ближайший областной центр или выезжая туда на рабочую часть недели, кантуясь у родственников или друзей.

А куда ещё податься жителю моногородка типа Ясногорска, где если и найдётся парочка других работодателей, то без вакансий? Сменить место жительства для немолодого, выросшего в Советском Союзе, человека — подобно решению пройти операцию по смене пола. В советское время твоя жизнь была запрограммирована с момента поступления в институт, а для кого-то даже раньше — с перехода в профтехучилище (ПТУ) после восьмого класса школы, а именно с этими событиями обычно был связан переезд в другой город. В остальных случаях работал принцип «где родился, там и пригодился».

Видимо, поэтому для «хомосоветикус» улучшение условий жизни — это, как правило, результат не личного выбора, а воли власти. «Какой власти?», спросите вы. Заводской, местной или федеральной — это уж вы сами как-то разберитесь между собой. Но ведь не разберутся, не их это забота, когда каждый сам за себя. Пожалуй, за исключением предвыборной поры.

«Ох и занесло меня... На встрече и посмотрим, о чем пойдёт речь», подумал я и снова провалился в сон.

.....

За чашкой чая с лимоном Сергей Васильевич перешёл к делу:

— Ты в курсе, что в Ясногорске делается?

Я немного слукавил, сказав, что мне известно только то, что наш управляющий ведёт эту процедуру.

— Ситуация там плохая: имущество завода вывели без оплаты, оставив непогашенными даже долги работникам, среди которых есть и увечные. Твой управляющий это дело покрывает. При этом завод работает, отгрузки продолжают. Либо ты всё исправишь, либо налоговики поставят туда другое СРО.

---

<sup>1</sup> «СРО» — аббревиатура саморегулируемой организации арбитражных управляющих.

Вопрос о целесообразности включаться в этот новый проект передо мной в тот раз почему-то даже не возник. По дороге в областную налоговую я уже размышлял о причинах и перспективах разрешения этого корпоративного конфликта. Собственник завода напрасно решил поиграть в догонялки с бывшими работникам. Идеального юридического мира, изображаемого в американских сериалах типа *Suits* или *The Good Fight*, в реальности не существует, нужно видеть ту грань, за которой перестают работать правила и начинают «бить по хитрой рыжей морде». Главное — завод работал. Обычно там, где производство работает, достаточно скоро появляется профильный инвестор, а вместе с ним — и финансирование для банкротчиков.

С другой стороны, ожидать безоблачного триумфа нам тоже не стоило. На тот момент ещё не случилось наводнения, которое произошло за день до смены конкурсного управляющего и уничтожило все документы. Но прогнозировать такие трудности было несложно, ведь всем арбитражным управляющим известно, что шансы пожаров и наводнений невероятно возрастают при недружественной смене руководителя. Территорию завода придётся штурмовать, и то лишь после основательной юридической подготовки.

Социальные долги, сопоставимые со стоимостью завода, были не только приличным флагом для наступления, но и увеличивали риски. Было ясно, что финансировать процедуру вплоть до продажи завода придётся самому. До погашения этих долгов получить оплату работы команды из конкурсной массы было возможно лишь юридически, а фактически — нереально.

После разговора мне стали понятны мотивы Сергея Васильевича. Ситуация в Ясногорске была взрывоопасной для всех, начиная с властей. Остроту социальных проблем можно было на время, необходимое для продажи завода, снизить сменой управляющего, но это надо было делать быстро. Для того, чтобы утвердить в суде нового управляющего из состава другой СРО, требовались месяцы. Произвести смену управляющего в пределах одной и той же СРО времени нужно было в разы меньше. Имели значение и наши с Сергеем Васильевичем хорошие отношения.

В общем, как банкротного юриста проект захватил меня целиком, словно зрителя «мадонны Рафаэлевой»!

.....

Год спустя, после смены управляющего, мы добились отмены сделок по выводу имущества завода. Буквально на следующий день после получения необходимых судебных решений, ранним утром мы — я, Ирина Корзун, пара юристов московского офиса вместе с десятью крепкого телосложения чоповцами и Сашей, их субтильным начальником — в небольшом автобусе выдвинулись из московского офиса в Ясногорск, где были на месте к обеду.

План действий был тщательно проговорён над картой территории и совершенно понятен всем участникам экспедиции. На каждый пункт пропуска людей и грузов, а также на каждый крупный цех на территории завода определены конкретные люди, формы пропуска и перечень подписей на транспортных накладных для выпуска груза. В качестве оружия у нас в руках были несколько экземпляров решения суда с гербовой печатью. Руководители постов снабжены суперсовременными раскладушками Motorola RAZR V3 и инструкцией о том, как снимать транспортные средства, грузы и сверять их с

накладными (блокировать отгрузки нам было страшновато — убытки могли быть взысканы катастрофические).

В этот раз заход на объект был несложным, драк удалось избежать. Была лишь почти школьная толкотня и разговор с начальником охраны оппонента на повышенных тонах. В 12:30 наши люди заняли все посты, пока что вместе с обескураженными, не понимающими своей новой роли прежними охранниками. Несколько наших бойцов зашли на территорию завода с тем, чтобы занять позиции в четырёх главных цехах.

И тут произошло то, что мы не просчитали. Привыкнув перекусывать чем и когда придётся (за исключением, пожалуй, деловых встреч за обедом) мы не учли, что обед — это не только приём пищи, но еще и ритуал, часть повседневной рутины. Помните плакатное «Чтоб работа шла продуктивно и гладко, выполняй правила внутреннего распорядка»?

В этот момент толпы рабочих из всех цехов сливались в один большой поток, втиснутый в узкий проход главной проходной завода. Те из нас, кто должен был занять свои посты в цехах, были вынесены толпой рабочих в исходное положение — перед проходной.

Что ж, «гладко было на бумаге, но забыли про овраги».

.....

Помню первый день февраля 2006-го, раннее и яркое морозное утро, -20 °С. На электроподстанции № 75 в Ясногорском районе вышел из строя масляный переключатель. Из-за отключения электричества в Ясногорске остановились все пять котельных, отапливающих город. В том числе и центральная, расположенная на территории Ясногорского машиностроительного завода, которая подаёт тепло почти в сто многоквартирных домов. Двенадцать тысяч ясногорцев остались без тепла и горячей воды.

Я нервничал, думая «Ну вот, не все коту Масленица, бывает и Великий пост». Если разморозится система отопления в городе, то всем перспективам проекта придёт конец. В такие моменты понимаешь, что правовая квалификация и твоя роль в событиях, приведших к печальному итогу, никому не интересны, важен лишь результат.

К счастью, к 10 часам утра технари завода вместе с МЧСниками сумели подключить к котельной ЯМЗ резервные источники энергии, чтобы насос «гонял» воду по трассе, не допустив порывов теплосетей.

«Кажется, пронесло...», подумал я тогда.

.....

В холодном Доме быта (часть зданий Ясногорска ещё долго оставалась неотапливаемой) разместились голодающие рабочие ЯМЗ. Два года назад руководитель профсоюзной ячейки завода Андрей Гуан-Тин-Фа сделал «ход конём», объявив голодовку из-за невыплаты профвзносов. Спустя двадцать восемь дней, исхудавший и отчаявшийся, с болями во всём теле и последним предупреждением врача о необратимости изменений в организме, Андрей свою голодовку прекратил, заявив, что он продолжит борьбу, но в иной форме.

За два года эта идея проросла в массы и теперь дала серьёзные всходы. Поначалу голодающих было всего 5-6 человек. Поговаривали, что голодовка проходила под водочку, закусываемую консервами. Итого мы имели корпоративный конфликт, отключение отопления города, а теперь ещё и голодовку рабочих, число вовлечённых в которую росло с каждым днём. Резонанс в СМИ был нешуточный. Термин «трагическая развязка» замелькал и в прессе, и у нас в головах — уже не получалось утешать себя мыслями о том, что это всего лишь инструмент борьбы. Надо было платить голодающим, а как платить — непонятно.

Для совещания в нашем московском офисе приехали Елена Полеонова и Ирина Корзун.

Любой банкротный юрист вам скажет, что принцип пропорциональности — главный принцип банкротства. Он предусматривает порядок: сначала нужно погасить текущие долги, возникшие в ходе банкротства, затем требования тех, кому причинён вред жизни или здоровью, и лишь затем — долги по зарплате. А требования голодающих были где-то посередине зарплатной очереди, и чтобы их погасить «в лоб», не мудрствуя лукаво, потребовалась бы невероятная сумма денег, превышающая стоимость завода. Так что надо было придумать обходной путь, которым можно было выплатить голодающим, не нарушая закон хотя бы формально.

Я начал:

— Миллиона три на выплаты голодающим у нас есть. Но как потом вернуть эти вложения? Есть соображения как это сделать без нарушения очерёдности платежей? Можем выкупить права требования у голодающих, начиная с текущих долгов?

— Требование денежное, так что можем. Но я бы ещё посмотрела судебную практику, — ответила Полеонова.

— Хорошо, но давайте сразу подумаем, как сделать так, чтобы не провалиться в очереди из-за того, что кредитором стал тот, кто работником должника никогда не был, — заметил я.

Ирина предложила:

— А может быть принудительно списывать со счёта в пользу голодающих?

— Просуживать долго. Голодающие вымрут, а нас посадят, — возразил я, но тут же одумался, — Но идея полезная, ведь у многих уже есть исполнительные листы на руках, останется лишь процессуальную замену произвести. Что будем делать с теми, у кого нет решения суда о взыскании?

— К исполнительным документам относятся и удостоверения комиссии по трудовым спорам, — сказала Елена Юрьевна, — Чтобы такую комиссию создать нужны трое из числа работников.

«Классная идея! Что бы мы без неё делали в такой заварухе?», — подумал я.

— Отлично! Давайте отработаем эту схему. Приобретателя определим сегодня позднее, — завершил я совещание.

.....

В итоге денег, вырученных от продажи завода, не хватило даже на погашение долгов по зарплате. Уже после завершения дела о банкротстве ЯМЗ было ещё несколько пикетов рабочих с лозунгами типа «Рабочим — зарплату чиновников!», «Судебная система — прислуга у бандитского капитала!», «Конкурсное производство в Ясногорске — бандитское», которые проходили в разных местах, в том числе и перед зданием Администрации Президента РФ в Москве. К компенсационному фонду нашей СРО прокуратура Тульской области подавала иск, но проиграла. Такой вот happy end.

Казалось бы, если есть специальная норма о возможности любому погасить требования налоговой, которая уступает работникам в очередности, и встать на место налоговой в реестре, то почему такой возможности нет для требований работников? Тогда ещё не включился «бешеный принтер», и надежд на быстрое изменение закона, чтобы это стало возможным, не было.

Но в России и по сей день нет никакого системного решения для ситуаций, подобных ясногорским голодовкам. Возбуждают уголовное дело и машут им словно дубиной в разные стороны, невзирая на виновность, а для непонимающих показывают телерепортаж с заключением конкурсного управляющего под стражу в зале совещания по вопросам невыплаты долгов по зарплате. Собственно, и раньше этот метод применялся, нормально воспринимался обществом и даже был ожидаем.

Гарантийный фонд на случай несостоятельности работодателя в России так и не создан. Помню, лет пять назад в одной из стран Евросоюза, где такой фонд есть, я смеялся над тем, что банковская комиссия за платеж в такой фонд была в разы дороже самого платежа — настолько малы обязательные взносы в фонд, и при этом он свою задачу решает.

.....

Порой во сне мне приходят прекрасные идеи, которые утром я никак не могу вспомнить.

Однажды, где-то на границе порыва немедленно встать, зафиксировать эту идею и попытаться вернуться в плодотворный сон, уже почти наяву я структурировал идею в тезисы, перепроверил их ясность и повторил про себя.

Вы не поверите — в этот раз я действительно смог ее вспомнить. Каково же было мое разочарование! Всё великолепие идеи оказалось иллюзорным и куда-то исчезло. Потрясающая во сне, но абсурдная и бесполезная наяву — это всё, что осталось о ней в моей памяти.